

ПАНТОКРАТОР

ПОВЕСТЬ

Уже подойдя к автомобилю, он вдруг против обыкновения помедлил и остановился. В свите тоже застыли, от неожиданности наталкиваясь друг на друга; генерал с бычьим затылком — начальник личной охраны — весь сжался, холодея в испуге и преданности, ничего еще не успев сообразить, но уже убежденный в каком-то роковом значении этой внезапной и непредусмотренной заминки, готовый ринуться, заслонить Хозяина своим телом — как уже сделал однажды, когда возле Боровицких ворот (в самую последнюю минуту, лимузины уже шли на выход!) справа, из-за Манежа, неведомо как миновав оцепление, выкатилась какая-то шальная «эмка» — и он, тогда еще простой лейтенант внутренних войск, не задумываясь, бросился под колеса — остановить гада, не дать выехать на запретную полосу...

А тот, за кого готов вторично рискнуть жизнью начальник охраны — точно так же, как готовы были умереть и уже умерли многие миллионы других людей, — он остановился просто потому, что ему захотелось подышать свежим воздухом, проветрить легкие после душно-ватого кабинета. Здесь, снаружи, хорошо пахло дождем и мокрой сиренью, и свежей землей от газона, где изумрудно зеленела трава в свете ярких фонарей, еще не совсем привычных после четырех лет затемнения.

Был уже поздний вечер, подсвеченное городскими огнями небо потускнело — Москва отходила ко сну. Жаль, что погода выдалась ненастной; он вспомнил начало этого долгого и утомительного дня — как, колебля шеренги штыков и касок, под гремящее «Славься» проходили по площади сводные полки фронтов, как глухо и грозно рокотали барабаны и на мокрую лоснящуюся брусчатку падали германские знамена — пестрые клочья цветной парчи и шелка, тусклое золотое шитье, гербы и эмблемы и колючая готика чужих девизов, лакированные древки, перевитые шнурами, окованные в серебро, увенчанные